

Интертекстуальность как глобальная текстовая категория

Анастасия Михайловна Прима, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, abarminsk@mail.ru

Ключевые слова: текст, интертекстуальность, культурный контекст, диалогичность, поливалентный текст, прецедентный текст.

Key words: text, intertextuality, cultural context, dialogisation, polyvalent text, precedent text.

Любая деятельность человека тесно связана с интерпретацией знаков, слов, текстов, произведений литературы, прочих знаковых систем. Ведь окружающая действительность преломляется в сознании человека через призму его собственного перцептивного опыта, происходит мировосприятие на основе национальных особенностей личности, ее системы религиозных воззрений, культурных традиций, стереотипов и пр. «Эстетическое творчество преодолевает познавательную и этическую бесконечность и заданность тем, что относит все моменты бытия и смысловой заданности к конкретной данности человека – как событие его жизни, как судьбу его» [Бахтин 1986: 24]. Тем самым, текст может быть рассмотрен как составляющая культуры, как высказывание, включенное в контекст прошлого, настоящего и будущего. Как указывал М.М. Бахтин, «произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, т.е. в большом времени, притом часто (а великие произведения – всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности» [Бахтин, 1979: 331]. М.М. Бахтин считал любой текст уникальным, единственным и неповторимым.

Герменевтика занимается интерпретацией и пониманием текстов. Несмотря на тот факт, что проблемы анализа художественного текста давно находятся в сфере внимания филологов, целостное представление о творческом процессе, учитывающее достижения в области когнитивной лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, психологии личности, литературоведения, в науке окончательно не сформировано.

В лингвистике понятие текста имеет широкое толкование, так как оно подразумевает и способ отражения действительности, построенный с помощью элементов системы языка, и основную единицу коммуникации, способ хранения и передачи информации, и форму существования культуры, и отражение психической жизни индивида и т.д.

И.Р. Гальперин дает следующее определение текста: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа; произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда основных единиц (СФЕ), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981 : 18].

Текст обладает определенными общими признаками. И.Р. Гальперин выделяет следующие признаки текста: информативность, когезию, членимость текста, континуум (категории художественного пространства и времени), автосемантию отрезков текста, ретроспекцию и проспекцию в тексте, модальность текста (субъективную и объективную), интеграцию и завершенность текста.

И.Р. Гальперин различает содержательно-фактуальную (сообщения о фактах, событиях, процессах, происходящих, происходивших, которые будут происходить в окружающем нас мире, действительном или воображаемом), содержательно-концептуальную (индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описанными средствами СФИ, понимание их причинно-следственных связей, их значимости в социальной, экономической, культурной жизни народа, включая отношения между индивидами, их сложного психологического и эстетико-познавательного взаимодействия) и содержательно-подтекстную (скрытая информация, извлекаемая «благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также благодаря способности предложений внутри СФЕ приращивать смыслы) информации текста» [Гальперин 1981 : 27]. Отметим, что явление подтекста, подразумевающее наличие скрытых смыслов, относится к одной из главных категорий художественного текста.

Художественный текст является определенным образом организованной средствами языка системой. Вместе с тем это результат текстообразующей деятельности автора и декодирующей – читателя. Будучи воплощением концептуальной картины мира определенной языковой личности, художественный текст помогает глубже раскрыть природу индивидуально-личностного фактора в языке; наконец, художественный текст – это, бесспорно, продукт культурной коммуникации.

Реализация антропоцентрического принципа при анализе художественного текста открывает новые возможности при условии, что объектом исследования оказывается персонаж как специфичная языковая личность.

Когнитивная значимость художественного текста делает его весьма приближенным к научным произведениям, но нельзя не отметить явные различия художественной и научной речей. Главным признаком художественного способа познания действительности является его эстетическое качество. Вслед за А.Н. Васильевой мы определяем эти различия следующим образом:

1. В науке господствуют законы абстрагированного, логико-понятийного, объективно и открыто доказательного отражения действительности. В художественной речи главным является закон конкретно-образного представления жизни. Художника характеризует целостное восприятие и перевоссоздание действительности. В своем произведении автор имитирует комплексное конкретно-чувственное отражение, свойственное обычному человеческому мировосприятию.

2. Ученый организует свою мысль и речь по принципу открытого последовательно-логического доказательства. Художник ничего не доказывает, а рассказывает, как бывает или как может быть в жизни, показывая один из возможных многочисленных вариантов.

3. Мышление ученого подчиняется критерию строгой объективности, что выражается в обязательной документированной достоверности приводимых фактов, в экспериментальном подтверждении гипотезы или ее логическом обосновании. Мышление художника субъективно, «вторичная действительность», которую он изображает, есть вымысел, и читателю это известно. Поэтому художественное познание характеризуется двойной субъективностью. Субъективный момент служит писателю как средство художественного открытия и воплощения жизненной объективности.

4. Принципиальной является эмоциональная активность мышления и произведения художника. Это качество обусловлено эстетической природой искусства, активно утверждающего прекрасное и разоблачающего и отвергающего безобразное.

5. Научный способ отражения и познания жизни – прямой, поэтому научная речь не метафорична. Художественное мышление принципиально построено на образной

аналогии. Как отметила А.Н. Васильева, «в самом создании художественного произведения художник идет по существу метафорическим путем, путем переноса: на основе множества наблюдаемых жизненных конкретностей он строит, в значительной мере в подсознании, общую понятийную модель того или иного сложного жизненного комплекса, но воплощает ее в новую конкретность – конкретность образного вымысла» [Цит. по Петрова 2006: 19].

6. Научное мышление однопланово. Поэтому научная речь бесподтекстна, в ней оперируют абстрактными понятиями. Метафоричность художественного мышления определяет содержательную двуплановость художественной речи. С другой стороны, и восприятие художественного образа отличается двумя планами: внешний образ оказывается причиной развития эмоционального отклика, который вызывает ассоциативные связи и строит в языковом сознании внутренний образ.

Изучение особенностей семантики языковых единиц и их естественного контекстуального окружения необходимо для анализа семантико-стилистических особенностей любого текста. По мнению Л.А. Новикова, контекстуальный смысл слова в художественном произведении является очень важным вопросом для понимания всего текста, так как слово, «наделённое особой эстетической функцией, часто неповторимо по своему употреблению, индивидуально. Поэтому раскрытие контекстуального значения, эстетической значимости языковых единиц – одна из важнейших и вместе с тем самых трудных задач» [Новиков 2003: 22]. При условии многозначности языковых форм контекст становится решающим фактором установления истинного содержания соответствующей языковой формы.

Лингвосемиотическое определение текста предполагает, что исследователь имеет дело «с отдельным, замкнутым в себе и имеющим целостное, нерасчленимое значение и целостную, нерасчленимую функцию семиотическим образованием» [Лотман, 2000, с. 188]. «Многообразии структурных связей внутри текста резко понижает самостоятельность отдельных входящих в него единиц и повышает коэффициент связанности текста. Текст стремится превратиться в отдельное «большое слово» с общим единым значением. ...По отношению к обычной нехудожественной речи художественный текст как бы переключается в семиотическое пространство с большим числом измерений» [Лотман, 2000, с. 188].

Одной из ведущих категорий герменевтики как науки толкования текстов является интертекстуальность. Интертекстуальность как текстовая категория в собственно лингвистическом смысле выражает особый способ построения смысла текста.

Нам представляется необходимым подчеркнуть, что термин «интертекстуальность» с самым широким охватом используется для обозначения явления текстовой диалогичности. В ряду смежных с ним понятий и терминов, таких как «полифония», «полилогизм», «транспозиция», «диалогичность», «бивокаличность», «транстекстуальность», «интерсемантность», термин «интертекстуальность» является наиболее востребованным. Перечисленные понятия не являются взаимозаменяемыми, так как отражают различные теоретические подходы к трактовке диалога текстов. Исходя из идейных и методологических предпосылок, которыми различные ученые руководствуются в своем понимании интертекстуальности, можно отметить, что их трактовки неоднозначны.

Многочисленные определения интертекстуальности представляют ее как «наличие одного или нескольких предтекстов в другом и как отношение, возникающее между текстом и его предтекстом (-ами)» [Чернявская 2009: 175].

В семиотическом плане это означает отношение между разными языковыми знаковыми системами, референциально соотнесенными друг с другом. В

прагматическом плане интертекстуальность выступает как специфическая стратегия соотносительности с другими текстами, как тот способ, которым один текст актуализирует в своем внутреннем пространстве другой, выражая авторский замысел.

Следовательно, интертекстуальность покрывает всю шкалу возможных виртуальных отношений между текстами или их частями.

Идеей интертекстуальности занимаются семиотики, она имеет глубокие традиции осмысления в философии, литературоведении и лингвистике, в наши дни уточняется на основе коммуникативно-когнитивных представлений о тексте. Как вид текстовых взаимодействий, ограниченный цитатами, аллюзиями и плагиатом, интертекстуальность противопоставляется паратекстуальности – отношению текста к заглавию, эпиграфу и послесловию; метатекстуальности – комментирующей или критической ссылке на другой предмет; гипертекстуальности – осмеянию, пародированию одного текста другим и архитекстуальности – жанровой связи текстов [См. Щирова 2007: 81].

Свое научное обоснование идея интертекстуальности получила в работах М.М. Бахтина, где были сформулированы понятия полифонии и диалогичности. Ученый развил свою теорию диалогичности текстов применительно к жанру романа.

Он утверждал, что «действительно, жизнь находится не только вне искусства, но и в нем, внутри его, во всей полноте своей ценностной весомости: социальной, политической, познавательной и иной. Искусство богато, оно не сухо, не специально; художник – специалист только как мастер, то есть только по отношению к материалу» [Бахтин 1986(б): 43]. Таким образом, ученый полагал, что автор всегда находится в диалоге с современной и предшествующей литературой, что текст отражает в себе все иные тексты данной смысловой формы. Иначе говоря, автор художественного произведения имеет дело не с действительностью вообще, но уже с оцененной и оформленной действительностью.

Отметим, что сама идея разработки интертекстуальности означала признание смысловой открытости текста, а значит, закономерно сопровождалась уменьшением доли исследований когеренции и когерентности как собственно текстовых свойств.

Ю. Кристева расширяет понятие диалогичности, разработанное М.М. Бахтиным. Она полагает, что правомерно рассматривать текст как общество или как историко-культурную парадигму. Вследствие этого исследователь говорит о введении нового обособленного понятия текста. Данное понятие Ю. Кристева называет «транссемиотическим универсумом», вбирающем в себя все смысловые системы и культурные коды, как в синхронном, так и в диахроническом аспекте [Цит. по: Чернявская 2009: 181]. Можно утверждать, что в этом смысле всякий текст выступает как интертекст, а предтекстом каждого отдельного произведения является не только совокупность всех предшествующих текстов, но и сумма лежащих в их основе общих кодов и смысловых систем. Между новым создаваемым текстом и предшествующим «чужим» существует общее интертекстуальное пространство, которое вбирает в себя весь культурно-исторический опыт личности.

Основная идея теории Ю. Кристевой сводится к тому, что текст в процессе интертекстуализации сам постоянно трансформируется, создает и переосмысливает. Поэтому данный процесс является гарантией открытости текста.

Открытость текста диктуется открытостью дискурса: существует коммуникативное, когнитивное, семантическое пространство («рамка»), соотносящее текст, во-первых, с определенной ментальной сферой/определенными знаниями, во-вторых, с моделями (образцами, прототипами) текстопорождения и текстовосприятия, и, в-третьих, с другими текстами, содержательно-тематически обращенными к общей теме [Чернявская. 2009: 182].

Таким образом, настаивая на принципиальной неограниченности интертекстуального диалога, Ю. Кристева вслед за М.М. Бахтиным выдвинула идею открытого поливалентного текста, существующего в процессе потенциально бесконечной трансформации.

Теория интертекстуальности разрабатывается с учетом как основных свойств текста, так и аспектов значения текста, следовательно, речь идет о статических и динамических аспектах интертекстуальности. Момент включения других текстов или его элементов будет считаться основным способом проявления категории интертекстуальности.

Широкое видение интертекстуальности распространяется на межтекстовые связи, в которых отражается диалогичность культуры или культур. Как отмечают современные исследователи, помимо повторяющихся композиционных схем (например, модель крупной жанровой формы включает деление на главы, главки и абзацы), к проявлениям интертекстуальности относятся влияние творчества одних писателей на творчество других (ср. ссылки на К. Мэнсфилд как на «английского Чехова»), повторяющиеся темы, мотивы «бродячих (странствующих) фольклорных сюжетов» [Щирова 2007: 84].

Повторяющиеся мотивы можно в изобилии обнаружить в фольклоре. В монографии А.Н. Малаховская находит следующую параллель: смерть Кощея находится на конце иглы, а игла в яйце, а яйцо в утке, а утка в зайце, заяц сидит в каменном сундуке, сундук стоит на высоком дубу, а дуб Кощей Бессмертный «как свой глаз бережет» [Цит. по Щирова 2007: 84]. Герои сербохорватской сказки ищут душу «красного ветра» в яйце, а яйцо в дикой утке, а утку на болоте, а болото на горе. [Цит. по Щирова 2007: 84-85]. Сердце героя ненецкого эпоса, бессмертного Няравы Сэйси, спрятано в медноподобной утке, у которой два сердца, одно из них – сердце Няравы Сэйси, а утка – на середине заводи, а заводь – на середине острова.

Говоря о культурной составляющей интертекстуальности, отметим, что Н.В. Петрова, обращаясь к интертекстуальности на уровне композиции, обнаруживает в ней «универсальный семиотический закон», «общий механизм текстообразования» [Цит. по Щирова 2007: 82]. Интертекстуальность соотносится исследователем с памятью культуры, которая осмысливается вслед за Ю.М. Лотманом как сложный, иерархически организованный текст. Таким образом, благодаря способности накапливать семиотический опыт «совокупность ранее созданных вербальных и невербальных текстов (текстового пространства)» считается ученым «источником текстопорождения» [Цит. по Щирова 2007: 82]. Именно данный факт предопределяет закономерность включения интертекстуальности как сложного феномена в многомерный культурный контекст.

Интертекстуальность тесно связана с понятием «прецедентный текст». По Ю.Н. Караулову, прецедентные тексты есть не что иное, как «хрестоматийные» тексты, «хорошо знакомые языковой личности и значимые для нее в познавательном и эмоциональном отношениях» [Щирова 2007: 89]. Примерами данных текстов являются мифы, предания, фольклорные и библейские тексты, а также художественные и публицистические тексты историко-философского и политического характера. В силу их сверхличностного характера характеристики прецедентных текстов могут быть отнесены к более обширному понятию «прецедентный феномен».

В рамках концепции В.В. Красных образующие систему прецедентные феномены «обуславливают национальную маркированность коммуникации» и включают, помимо продуктов речемыслительной деятельности (вербальных или вербализуемых феноменов), произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыки, т. е. могут быть невербальными [Красных 1999: 38].

К вербальным прецедентным феноменам относят прецедентное имя и прецедентное высказывание. Прецедентное имя трактуется как индивидуальное имя, связанное с прецедентным текстом или прецедентной ситуацией, а прецедентное высказывание – законченная и самодостаточная единица, многократно воспроизводимая в речи, например, известная цитата.

Под прецедентными текстами понимают «законченные и самодостаточные продукты речемыслительной деятельности», вербализуемые, а не вербальные феномены [Красных 1999: 41]. Данная трактовка базируется на том факте, что прецедентные феномены хранятся в нашей памяти не словесно, а в виде концептов, максимально уплотненных представлений о сюжете, персонажах, основных событиях.

К вербализуемым прецедентным феноменам современные ученые относят и прецедентную ситуацию, которая понимается как «эталонная ситуация, имевшая место в действительности или в мире вымысла» [Щирова 2007: 90]. И прецедентные тексты, и прецедентные феномены изучаются с позиций формирования ими концептов в картине мира человека.

Современные подходы к прецедентным феноменам и прецедентным текстам подтверждают, что при характеристике контекста семантические, стилистические и эстетические текстовые связи, как ограниченные рамками текста, так и выходящие за них, описываются «с позиций их осмысления сознанием» [Щирова 2007: 90-91]. Соответственно, идея интертекстуальности органично вписалась в период расширения пределов знания, связанный с возрастанием роли человеческого фактора.

Согласно лингвистическому толкованию, интертекстуальность признается в том случае, когда автор «намеренно тематизирует» взаимодействие между текстами, делает его видимым для читателя с помощью особых формальных средств [Чернявская 2009: 187]. Такая намеренно маркированная интертекстуальность предполагает, что не только автор намеренно и осознанно включает в свой текст фрагменты иных предтекстов, но и адресат способен верно определить авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности. Речь идет, следовательно, о таком коммуникативном процессе, необходимой предпосылкой и условием которого является «интертекстуальное сознание» обоих партнеров [Чернявская 2009: 187]. При этом адресат направляется автором в его интертекстуальном чтении «по следам» [Чернявская 2009: 187]. В работе С. Хольтуис (1993) предлагается в этой связи особый термин «интертекстуальная диспозиция», который означает наличие в тексте определенных интертекстуальных сигналов или индикаторов, способных мотивировать реципиента к поиску связей данного текста с другими [Цит. по Чернявская 2009: 187].

Как свидетельствует С. Загер, можно выделить 3 формы интертекстуальности:

- 1) абстрактную - потенциально возможную интертекстуальность;
- 2) актуальную, когнитивную интертекстуальность;
- 3) текстуально выраженную интертекстуальность.

Первая форма характеризует «широкие культурно-семиотические отношения в текстовом универсуме», современные исследователи называют это «радикальной интертекстуальностью» [Чернявская 2009: 188]. Когнитивная интертекстуальность, по С. Загеру, подразумевает отношения между текстом и его реципиентом, возникающие в процессе декодирования и интерпретации. И третья из данных форм означает «выраженность в текстовой ткани текстового диалога через разного рода сигналы» [Чернявская 2009: 188].

Подводя итоги, отметим, что термин интертекстуальность является в наши дни одним из ключевых в науке о языке, а сам феномен, описываемый интертекстуальностью, входит в ряд фундаментальных, основополагающих для развития литературоведения и лингвистики.

Литература

- БАХТИН М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
- БАХТИН М.М. Автор и герой в эстетической деятельности (фрагмент первой главы) // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. С. 5-25.
- БАХТИН М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном творчестве Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986(б). С. 26-89.
- ГАЛЬПЕРИН И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
- КРАСНЫХ В.В. Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст): автореф. ... д-ра филол. наук. – М., 1999. С. 38–46.
- ЛОТМАН Ю. М. Семиосфера. – СПб: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
- НОВИКОВ Л.А. Художественный текст и его анализ. – М.: УРСС, 2003. – 301 с.
- ПЕТРОВА Л.А. Художественное мышление – художественная картина мира // Культура народов Причерноморья – № 92. – Симферополь, 2006. С. 18-21.
- ЧЕРНЯВСКАЯ В.Е. Лингвистика текста. – М.: Либроком, 2009. – 248 с.
- ЩИРОВА И. А., ГОНЧАРОВА Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. – 472 с.

Resume

The article deals with intertextuality as a global textual category. Any human activity is closely connected with the interpretation of systems of signs. Intertextuality as a special method of forming the meaning of the text is used to define textual dialogisation. The article provides examples of intertextuality in its broad context and compares the phenomenon of intertextuality with that of precedent texts.